

ГУМАНИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет

tugashev@academ.org

В статье обсуждается возможность теоретического позиционирования гуманизма в парадигмальном поле социальной философии. Показывая, что имеющиеся парадигмы представляют точку зрения гуманизма непоследовательно, автор обосновывает возможность разработки социально-гуманистической философии с базисным конструктом «социально-гуманистический прогресс».

Ключевые слова: гуманизм, социальная философия, социально-гуманистическая философия, социально-гуманистический прогресс.

Гуманистический дискурс в философии не имеет определенной дисциплинарной принадлежности, а раскол по линии «гуманизм – антигуманизм» проходит через различные философские течения. Это затрудняет категориальное обоснование гуманизма, так как не ясно, средствами какой дисциплинарной матрицы или философского направления он может быть адекватно выражен. Поэтому возникает вопрос: как возможен гуманизм в поле дисциплинарной философии?

Задача настоящей статьи заключается в обсуждении возможностей решения этого вопроса в дисциплинарном поле социальной философии. Выбор социальной философии определяется тем, что ее предмет допускает содержательное описание бытия человека в мире, тогда как онтология или гносеология слишком абстрактны, а философская антропология погружена в человека и слишком конкретна.

Локализуя гуманизм в поле социальной философии, приходится прини-

мать во внимание плюрализм социально-философской мысли, мультипарадигмальность ее дисциплинарного поля. Ввиду этого социально-философское позиционирование гуманизма необходимо осуществлять в рамках конкретных парадигм.

Каким же образом парадигмально дифференцирована социальная философия?

К.Х. Момджян различает два типа социальной философии: валюативную (ценностную) философию и рефлексивную философию¹. Выделяемая им валюативная социальная философия отвечает на вопрос о смысле человеческого существования, обсуждает желаемые формы общества, высказывается о должном и выступает как «социальное проповедничество». Рефлексивная социальная философия описывает сущее, исследует сущность и существование социальной реальности. Момджян полагает, что валюативная и рефлексивная филосо-

¹ Момджян К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 609.

фии – это не две функции единой системы философии, а самостоятельные ее ветви, совершенно независимые друг от друга².

Очевидно, что в рамках данной типологии гуманизм можно квалифицировать как форму «социального проповедничества». Но именно эта форма его бытия вызывает обоснованный скепсис. «Рассуждения на эту тему, – писал о гуманизме В.А. Лекторский, – очень часто воспринимаются либо как прекраснотушие, утопизм, не имеющих отношения к реальной жизни, либо как сознательное вуалирование негуманной и антигуманной действительности, либо как оправдание той системы идей, которая несет серьезную ответственность за катастрофическое положение современной России»³. Принимая эту оценку Лекторского, гуманизм следует идентифицировать как валюативную философию.

На этом фоне антигуманизм, к которому обычно относят философские учения, ориентированные на познание объективно сущего (мира, природы, духа и пр.), следует идентифицировать как рефлективную философию. Очевидно, что, не располагая развитой философской системой, валюативный гуманизм не способен эффективно противостоять рефлективному антигуманизму.

К сожалению, реализуемый Момджяном подход к типологии социальной философии не предполагает трансформацию валюативной философии в рефлективную философию. Но такая трансформация возможна, поскольку ценностное познание и рефлективное познание взаимосвязаны и

взаимобусловлены. В ценностном познании проблематизируется практическая ситуация, определяются ценностные ориентации и цели практического действия. Далее в рефлективном познании, исходя из оценки ситуации и поставленных целей, аналитически описываются пути и средства их решения. Таким образом, рефлективное познание возникает на основе валюативного познания и его опосредствует. В рамках предложенного подхода валюативный гуманизм может рассматриваться как предпосылка рефлективного гуманизма, который в свою очередь, обосновывает, теоретически развивает и конкретизирует валюативный гуманизм.

Предложенное Момджяном различение валюативной и рефлективной социальной философии позволяет уточнить эпистемологический статус гуманизма, актуализировать необходимость развития его из валюативной формы в рефлективную форму. Но это различие не позволяет определиться с парадигмальным позиционированием гуманизма, которое должно осуществляться в пределах собственно рефлективной философии. Здесь мы возвращаемся к задаче парадигмально корректного социально-философского выражения гуманизма.

Для этого обратимся к предложенной К.С. Пигровым типологии, включающей четыре модели социальной реальности – натуралистическую, реалистическую, деятельностьную и феноменологическую⁴. Каждая из этих моделей специфическим образом фиксирует субстанциональность и обусловленность социальной реальности (природа, трансцендентный мир, деятельность, смыслы). Очевидно, что эти модели

² Момджян К.Х. Введение в социальную философию. – М., 1997. – С. 58.

³ Лекторский В.А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 22.

⁴ См.: Пигров К.С. Социальная философия. – СПб., 2005. – С. 100–186.

социальной реальности относятся к уровню рефлексивной философии.

Декларируя приверженность гуманистической позиции, Пигров высказывает ряд критических замечаний в отношении выделяемых им моделей социальной реальности,

По его оценке, натуралистическая модель описывает существование человека как случайность: природа «не любит» человека и «не заботится» о нем⁵. Поэтому для натурализма характерно представление об эфемерности человеческого существования.

Оценивая реалистическую модель, Пигров усматривает в ней сходство с натуралистической моделью по признакам фатализма и квиетизма. Он пишет: «Взгляд натуралиста на общество всегда в конечном счете предполагает необходимость всеобщей гибели. Религиозный философ также смотрит на общество с точки зрения его тленности, преходящести и ничтожности в этом мире»⁶. Поэтому реалистические модели, рассматривающие общество как посюстороннее проявление потустороннего мира, чужды гуманистическому мировосприятию, в центре которого находится человек.

Высказываясь в отношении модели, рассматривающей деятельность человека как субстанцию общества, Пигров обращает внимание, во-первых, на «позицию силы» в интерпретации отношений субъекта и объекта и, во-вторых, на техноморфизм в описании деятельности⁷. Действительно, присутствующий в деятельностном подходе пафос активности субъекта (так называемый «активизм») противоречит утверждаемой гуманизмом ценности ненасилия. В техноморфной же деятельностной модели человек представлен не

более чем как один из факторов продуктообразующего процесса.

Напомним, что в описании Г.П. Щедровицкого «люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т. п.»⁸. При таком понимании социальная деятельность является «человеческой» ничуть не более, чем чьей-либо иной деятельностью, поскольку люди не более значимы, чем вещи, знаки или институты. Эта деятельность уже не атрибут человека, а нечто то, что «захватывает» их и заставляет «вести себя определенным образом»⁹.

Поскольку в деятельности человек не существенен, то человеческий фактор может замещаться другими факторами деятельности. Отдельный человек, соответственно, воспринимается как атомарный индивид, вполне заменимый другими индивидами. Так как указанные импликации, безусловно, не отвечают ценностным ориентациям гуманизма, то гуманистический потенциал деятельностной модели социальной реальности представляется ограниченным.

Феноменологическую модель социальной реальности Пигров оценивает как наименее неудовлетворительную. В этой модели действительность рассматривается и творится симультанно, как результат непрерывно изменяющихся интерпретаций субъектов. Правда, петербургский философ замечает, что в феноменологической модели имеется базовый вид социальной деятельности — «мышление как вымысливание смыслов»¹⁰. Этой

⁵ Там же. — С. 149.

⁶ Там же. — С. 164.

⁷ Там же. — С. 124, 127.

⁸ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — С. 242.

⁹ Там же. — С. 241.

¹⁰ Пигров К.С. Указ. соч. — С. 151.

оговоркой он дезавуирует тезис о преимуществе феноменологической модели, как будто бы отказывающейся от допущения социальной субстанции и поиска глубоких оснований общественной жизни. Пигров признает эти и другие слабости феноменологической модели. Он также указывает на солипсизм и «неуверенность духа», присущие феноменологическому дискурсу. Именно этот солипсизм феноменологов, безусловно, не удовлетворяет гуманистов.

Итак, выделенные К.С. Пигровым модели социальной реальности не выражают в полной мере позицию гуманистов и, более того, вызывают определенную тревогу. В связи с этим вновь возникает вопрос: как возможна реализация гуманизма на уровне рефлексивной философии?

При решении этого вопроса необходимо учесть, на наш взгляд, три факта.

Во-первых, описанные Пигровым модели социальности формировались в рамках стадияльно различных «гуманистических поворотов» философской мысли. Интенция гуманизма была присуща многим восходящим социально-философским течениям, которые в своей зрелой, доктринальной форме утрачивали гуманистический пафос. Так как в определенных аспектах данные модели воплощают ценности гуманизма, то они не могут быть однозначно квалифицированы как негуманистические или антигуманистические. Гуманизм исторически конкретен, и каждая из моделей социальностей содержит определенное соотношение гуманистических и негуманистических философем, которые подлежат выявлению и субординации.

Во-вторых, гуманизм выделенных моделей социальности оказывается непоследовательным и неустойчивым. Социально-философская задача, следовательно, со-

стоит в формировании последовательной гуманистической позиции, которая могла бы быть систематически развернута и обеспечила бы концептуальную устойчивость гуманизма. Для этого абстрактные идеализированные объекты, составляющие базис социально-философской теории, должны выражать суть гуманистической позиции. Теоретические конструкты природы, деятельности лишь косвенно выражают гуманистическую позицию, вследствие чего человек онтологически и практически начинает рассматриваться как момент, опосредствующий их самодвижение.

В-третьих, существует множество моделей социальности, концептуально выражающих позицию гуманизма. Пигров говорит об ансамбле дополняющих друг друга моделей, взаимная критика которых стимулирует познание социальности¹¹. Этот факт важен, прежде всего, в аспекте неустрашимости данных моделей, которые релевантны своему исторически-конкретному валюативному базису и не утрачивают своего эпистемологического и прагматического значения. Например, возникшая в античности реалистическая модель социальности сохраняет влияние в различных течениях традиционализма и консерватизма. Неустрашимый в силу социально-политической детерминации плюрализм социальной философии, с одной стороны, определяет многообразие теоретически конструируемых предметов рефлексивной социальной философии, релевантных ее валюативному базису, а с другой стороны, открывает перспективу формирования альтернативных моделей социальностей, в том числе модели, выражающей интересы и потребности участников гуманистического движения.

¹¹ Пигров К.С. Указ. соч. – С. 167–168.

Разумеется, что парадигмальное разнообразие социальной философии не исчерпывается теми моделями, которые выделил Пигров. Реалистической модели социальности может быть противопоставлена номиналистическая модель, а феноменологическая модель может рассматриваться как альтернатива не столько натурализму, сколько эссенциализму. Известна персоналистическая модель, интерпретирующая социум как соборную личность. В связи с неисчерпанной мультипарадигмальностью социальной философии вновь возникает вопрос о парадигмальном выражении гуманизма.

Возможно, что гуманизм не имеет самостоятельного парадигмально выражения. Человек – всего лишь часть общества. Поэтому каждая из моделей социальности тем или иным образом учитывает ценность человека, не абсолютизируя ее. И, следовательно, только ансамбль всех этих моделей способен адекватно выразить гуманистическую позицию.

Следует сказать, то реализация данной возможности по своим результатам представляется неоднозначной. Поскольку каждая из моделей социальности лишь отчасти выражает гуманистическую позицию, то ансамбль этих моделей может стать инструментом выражения и антигуманистической позиции. Пигров допускает возможность консолидации существующих моделей и конституирование более общей и абстрактной метамодели социального порядка (системы): «Порядок многого может быть рассмотрен как определенный Богом, тогда мы получаем реалистическую (идеалистическую) модель социальной реальности. Он же может быть рассмотрен как определенный природой, естественным порядком вещей, тогда мы получаем натуралистическую модель. Если же порядок возникает в самой множе-

ственности индивидуальных бытий как процессе, то мы имеем либо деятельностьную, либо феноменологическую модель социальной реальности»¹². Поскольку линия «теоретического антигуманизма» представлена структурализмом и постструктурализмом, признающими приоритет порядка, то воплощением антигуманизма может оказаться именно метамодель социального порядка. С учетом традиционного господства антигуманизма в рефлексивной социальной философии данный вариант реализации возможности парадигмального синтеза представляется достаточно вероятным.

Другая возможность представлена в самостоятельном парадигмальном выражении гуманизма. Как теоретически возможен социально-философский гуманизм? Теоретический гуманизм конституируется транспонированием валюативного гуманизма в гуманизм рефлексивный, что в эпистемологическом плане обеспечивается конструктивным введением соответствующих абстрактных идеализированных объектов, составляющих базис социально-философской теории. Дискурс валюативного гуманизма – это эмпирически конкретный дискурс, проблематизирующий ситуацию и оценивающий различные варианты ее развития. Концептуализация валюативного гуманизма и построение основанной на нем теоретической социально-философской модели обусловлены процессом вычленения из социально-философской эмпирии абстрактных объектов и последующей их идеализации.

Сделаем здесь небольшое отступление. В социальной философии не принято дифференцировать социально-философскую эмпирию и социально-философскую теорию как уровни социально-философского

¹² Там же. – С. 168.

познания, а также соответствующие языки описания¹³. Кроме того, не придается значения дифференциации допредметного (от «живого созерцания» к «тощим» абстракциям) и предметного (от «всеобщей» абстракции...) теоретических дискурсов.

Исходя из этих различий зафиксируем объект социальной философии как общество людей, или человеческое общество. В предмете социальной философии возможно зафиксировать в идеализирующей абстракции специфику именно «человеческого» общества, поскольку человек – это то, что дано эмпирически. Требуемая рефлексивной философией идеализирующая абстракция не возникает произвольно и безотносительно к содержанию валюативной философии. Идеализированные абстрактные объекты не являются нейтральными теоретическими конструктами, а ценностно нагружены, так как отображают наиболее существенное в объекте. Существенность же эта определяется практической ситуацией, в которой возникает и удовлетворяется конкретная философская потребность. Поэтому для конституирования рефлексивного гуманизма идеализирующая абстракция должна быть осуществлена таким образом, чтобы зафиксировать в себе ценностные предпочтения гуманизма.

Что же существенно в человеческом обществе для гуманизма? Это его эмпирически данная человечность, т. е. *гуманистичность*. Она выражается в том, что в конечном счете не люди существуют для общества, а общество существует для людей как организационная форма их развития. Че-

ловечность общества является конкретно-исторической, количественно вариабельной характеристикой, которая в идеализации может быть абсолютизирована и доведена до предела. В результате мы получим «гуманистичность» как абстрактный идеализированный предмет.

Основанием абсолютизации гуманистичности как свойства человеческого общества является прогрессирующая гуманизация человеческого общества. Несмотря на все противоречия общественного развития, тенденция к росту его гуманности превалирует. С учетом этого гуманистичность можно считать предельной идеализацией, выражающей значимую для гуманизма специфику человеческого общества.

Поскольку развитие человечества опосредствуется обществом, необходимо зафиксировать еще одну предельную идеализацию – *социальное*, которая должна рассматриваться в единстве с гуманистичностью в качестве опосредствующего ее признака. Социальное может быть определено как единство (тождество) идеального и материального. Представляется обоснованным рассматривать идеальное в качестве предельной идеализации сознания как эмпирически данного явления. Включая идеальное, социальное не сводится к нему, поскольку оно содержит и иное по отношению к идеальному. Этим иным в западной философской традиции признается материальное. Понятие материального является теоретическим конструктом, построенным как отрицание идеального, как фиксация его инобытия. В итоге понятия материального и идеального являются предельными идеализациями от человеческого общества как конкретного эмпирического явления. Таким образом, понятие социального создается как результат син-

¹³ Подробнее об эмпирическом базисе философии см.: Тюгашев Е.А. Феномен философии: рефлексия дискурса. – Новосибирск, 2008. – С. 205–236.

тезирующей абстракции понятий идеального и материального.

Как абстракции от конкретного эмпирического объекта, понятия материального, идеального и социального имеют допредметный статус. Допредметные понятия формируются на промежуточных ступенях теоретизации и непосредственно отнесены к конкретному эмпирическому объекту. В зрелой теории предметные понятия непосредственно отнесены к идеализированному объекту теории, та через него – к конкретному эмпирическому объекту. В соответствии с этим понятие социальности, будучи предельной идеализирующей абстракцией человеческого общества, завершает допредметный этап генезиса теории, но не может служить началом развертывания зрелой теории и, следовательно, ее исходной категорией. Наряду с этим, завершая допредметное отражение человеческого общества, понятие социального должно быть исходным в его систематическом категориальном представлении. Возникает антиномия, когда одно и то же понятие не может быть и в то же время должно быть исходной категорией социальной философии.

Поскольку понятие социального является предельно абстрактным понятием допредметного этапа, то указанная антиномия разрешается предельным переходом – переходом понятия в иное, в котором понятие перепозиционируется, включается в другую систему отсчета и соотносится уже не с эмпирическим объектом, а с абстрактным объектом социально-философской теории. Такими объектами в различных концепциях могут быть социальная реальность, социальное движение, социальный процесс, социальная деятельность, социальная система и т. п. Выбор теоретического объек-

та зависит от ценностных предпочтений и прагматики социально-философского учения. В результате даже на основании единого «парадигмального» решения – определения социального как единства идеального и материального – могут быть предложены различные концепции предмета социальной философии.

Соответственно, если в конструкции предмета социальной философии необходимо синтезировать гуманистичность и социальность человеческого общества, то основанием для синтеза этих признаков может быть любой абстрактный объект – бытие, сущее, движение, деятельность, процесс и т. п.¹⁴ Выбор абстрактного объекта определяется познавательной задачей, решаемой социально-философской парадигмой. Для гуманистов существенным является возрастание гуманистичности общества. Поэтому в качестве базисного абстрактного объекта для конструирования предмета социальной философии целесообразно выбрать *прогресс*. В результате, с позиции гуманистов, предмет социальной философии можно определить как *социально-гуманистический прогресс*. Релевантную данному предмету парадигму социальной философии целесообразно обозначить термином «*социально-гуманистическая философия*».

Фиксация предмета в парадигме социально-гуманистической философии является более общей, чем в концепциях социальности как таковой, поскольку социальное рассматривается как момент социально-гуманистического прогресса. Вместе с тем социально-гуманистическая философия

¹⁴ О проблемах в трактовке предмета социальной философии см.: Попков Ю.В., Тютюшев Е.А. О предмете социальной философии (к продолжению дискуссии) // *Личность. Культура. Общество*. – 2008. – Т. 10. – Вып. 5–6. – С. 158–169.

более конкретна, так как акцентирует гуманистический характер социальности. Поэтому в иерархии различных социально-философских парадигм парадигма социального соподчинена по отношению к парадигме социально-гуманистического прогресса, а последняя способна ассимилировать концептуальные схемы парадигм более низкого порядка, не утрачивая при этом собственного содержания.

Так, конструкт социально-гуманистического прогресса охватывает ситуации социально-гуманистического регресса как моменты, производные от социально-гуманистического прогресса и снимаемые им. Более абстрактные понятия социальной деятельности, социального движения и другие могут быть тривиально введены как частные элементы конструктора социально-гуманистического прогресса на основе применения диалектики опосредования и снятия.

Парадигма социально-гуманистической философии исходит из признания мультипарадигмальности социальной философии, обусловленной объективно существующим плюрализмом социально-политических сил. Каждая из этих сил имеет свой взгляд на общество, который может быть концептуализирован в соответствующей парадигме. Неустрашимость плюрализма и многоукладность общественно-го развития определяют принципиальную неэлиминированность социально-философских парадигм, релевантных конкретным социально-практическим задачам. Множество наличных социально-философских парадигм находится в сложных отношениях координации и субординации, конфигурация которых является опосредованным отражением конфигурации отношений

социально-политических сил. Исторически конкретный характер этих отношений в каждой стране определяет своеобразную конфигурацию социально-философского поля. В связи с этим представляется мало-перспективным привычный поиск «единственно правильного» предмета социальной философии. Важно соотнесение способа выделения и фиксации предмета с конкретными социально-политическими силами, преобразующими общество как предмет практической деятельности в горизонте своих исторических задач.

Литература

Лекторский В.А. Идеалы и реальность гуманизма / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 22–28.

Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие / К.Х. Момджян. – М.: Высш. шк., КД «Университет», 1997. – 448 с.

Момджян К.Х. Социальная философия / К.Х. Момджян // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 609–611.

Пигров К.С. Социальная философия: учебник / К.С. Пигров – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – 296 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. О предмете социальной философии (к продолжению дискуссии) / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – Вып. 5–6. – С. 158–169.

Тюгашев Е.А. Феномен философии: рефлексия дискурса / Е.А. Тюгашев; под ред. В.П. Фофанова. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. – 413 с.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г.П. Щедровицкий // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 233–280.